

ЧУВСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ О ЛЮБВИ И ЗАБЛУЖДЕНИИ
ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ПОСЛЕ»

**САМАЯ
ТЕМНАЯ
ЛУНА**

АННА ТОДД

ЕСЛИ ТЫ ВИДИШЬ В НЕБЕ СЛИШКОМ ЯРКИЕ ЗВЕЗДЫ,
ЗА НИМИ ВСЕГДА СЛЕДУЕТ ТЕМНАЯ ЛУНА

САМЫЕ ЯРКИЕ ЗВЕЗДЫ, РОМАН #2

Самые яркие звезды

Анна Тодд

Самая темная луна

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Тодд А.

Самая темная луна / А. Тодд — «Эксмо», 2020 — (Самые яркие звезды)

ISBN 978-5-04-116314-3

Карина и Каэл любят друг друга, но однажды между ними пролегла пропасть, которую, кажется, не преодолеть. Именно из-за Каэла налаженная жизнь Карины дала трещину. Из-за него она может потерять брата и нарушить хрупкий мир, что воцарился в ее семье. Карина словно бредет во тьме, где один неверный шаг – и потеряешь то, что тебе дорого. Но Карина не хочет терять Каэла. Пусть они теперь друг от друга бесконечно далеки, он – лучшее, что с ней случилось. Его невозможно забыть.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-116314-3

© Тодд А., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Тодд

Самая темная луна

Всем и каждому, кто хоть раз в жизни чувствовал себя потерянным.

Мне бы очень хотелось помочь вам найти себя

Плей-лист

- «What We Had» – Sody
- «Falling» – Harry Styles
- «Possibility» – Lykke Li
- «Little Did You Know» – «Alex & Sierra»
- «July» – Noah Cyrus
- «Little Bit of You» – Kevin Garrett
- «Idfc» – blackbear
- «Poser» – Grace VanderWaal
- «Lost On You» – Lewis Capaldi
- «Before You Go» – Lewis Capaldi
- «Hollow» – James Smith
- «Lost Without You» – Freya Ridings
- «The Light» – «The Album Leaf»
- «Lie» – NF
- «Love in The Dark» – Jessie Reyez
- «When the Party's Over» – Billie Eilish
- «Watch» – Billie Eilish
- «Rest» – Minke
- «The Other» (гитарная версия) – Lauv
- «Unspoken» – Aaron Smith
- «Can We Kiss Forever?» – Kina, Adriana Proenza

Глава 1

Каэл, 2019

От черных нарядов болят глаза. Давно я не видел столько людей в одинаковом облачении. С годами у меня выработалась привычка к защитной форме, и я до сих пор выискиваю ее в гражданском мире, хотя в армии уже не служу. Иногда я скучаю по привилегии носить одно и то же каждый день. Снимаю с вешалки очередной пиджак, только из химчистки, и вспоминаю военную куртку, грязную и задубелую от песка: она даже поскрипывала, пока мы часами маршировали под палящим солнцем Джорджии. Моя рука тянется под рубашку, нащупывает на шее армейские жетоны.

Я не из тех, кто носит их для хвастовства или ради бесплатной выпивки в баре; я ношу жетоны потому, что тяжесть металла на груди помогает твердо стоять на ногах. Вряд ли я их когда-нибудь сниму.

– Прохладно, – говорит мама.

Я оставляю жетоны в покое и кладу руки на колени.

– Накинешь мой пиджак? – предлагаю.

Она качает головой.

– Тело нужно хранить в холоде, – произносит знакомый голос.

– Ты, я смотрю, не меняешься, извращенец. – Я обнимаю Сильвина.

Он сильно похудел с тех пор, как мы обнимались в последний раз.

– Ты, я смотрю, тоже. – Сильвин бьет меня по руке.

Мама поглядывает неодобрительно и бьет его чуть сильнее, чем он ударил меня.

– А ну прекрати, – командует она.

– Сколько раз я это слышал? – Сильвин обнимает маму, и та расплывается в улыбке.

Они встречались мало, однако маме он нравился, хоть и был хамоватым засранцем с идиотским чувством юмора. Этот извращенный юмор спасал нас в самые тяжелые времена, так что мне Сильвин тоже нравился.

– Ты как, дружище?

Я спрашиваю обыденно, но понимаю – ему сейчас, наверное, больнее, чем остальным в церкви. Как мне в прошлый раз.

Сильвин прочищает горло, моргает покрасневшими глазами.

– Неплохо, Мартин. Я... м-м... неплохо. Хотелось бы торчать не тут, а в Вегасе, с какой-нибудь порнозвездой, проматывать ее денежки. – Он смущенно смеется.

– Ну, кому не хотелось бы, – осторожно шучу я в ответ.

Зачем беречь раны? Иногда лучше ничего не чувствовать.

– Сядешь с нами? Или у тебя уже есть место? – говорю я.

– Мы же не на концерте, дубина! – со смехом заявляет Сильвин и садится рядом с мамой.

Идиотский смех Сильвина – единственный намек на радость во всей церкви, пусть он и маскирует глубокую печаль. С потолка сочится скорбь. Горе, пропитывающее человека насквозь и никогда не смывающееся. Оно видно невооруженным глазом. Бремя, которое всегда с тобой, бежит по венам вместе с кровью, давит на плечи. Сильвин со вздохом откидывается на скамье, тяжело обмякает на деревянном сиденье в попытке перевалить на него часть бремени. Глаза смотрят вперед, вдаль, куда-то в прошлое, которое не отпускает, не позволяет даже мечтать о покое. Сильвин слишком молод, чтобы выглядеть таким стариком... Он резко сдал, а ведь раньше мы называли его «пупсиком». Дразнили за кукольное личико, пародировали южный говор. Сильвин из Миссисипи; во время нашей первой операции он напоминал пятнадцатилетнего мальчишку, теперь же выглядел старше меня. Пупсик, как именовал его весь

взвод, сильно повзрослел с той истории, когда на лицо ему посыпались с неба ошметки сырого тунца. Мой мозг вновь взорвало, я с ужасом понял, что ливень состоит из кусков человеческой плоти, а не из рыбы. Я стоял совсем близко, на носок моего армейского ботинка шлепнулся палец с обручальным кольцом. Джонсон изменился в лице: повернул голову и обнаружил, что его боевого товарища, Кокса, больше нет рядом. В глазах Джонсона что-то вспыхнуло и тут же погасло; он вскинул автомат и двинулся дальше. Больше Джонсон о друге не упоминал и не проронил ни слова, пока беременная вдова Кокса плакала на его похоронах. Сегодня, кстати, все до жути напоминает те похороны.

Я оглядываюсь в поисках часов. Разве не пора? Скорей бы с этим покончить. Все похороны одинаковы. По крайней мере армейские, а других я не видел с детства. С тех пор как я стал новобранцем, побывал минимум на десяти похоронах. То есть десять раз я молча сидел на деревянной скамье и рассматривал лица солдат, глядящих вдаль и привычно сжимающих губы в прямую линию. Десять раз беспокойные дети, которые и жизни-то не понимают, что уж говорить о смерти, ползали у ног родителей. Десять раз в толпе раздавались рыдания. К счастью, лишь половина покойных имела семью, поэтому рыдающих жен, чья жизнь разлетелась в клочья и переменилась навсегда, было только пять.

Я часто думаю – когда же поток извещений иссякнет? Сколько еще лет мы будем собираться вот так? Пока не станем старыми и седыми? Кто к кому явится на похороны первым – Сильвин ко мне или я к нему? Я приезжаю всегда, как и Джонсон, которого я вижу сейчас краем глаза. И Стэнсон, который держит на руках новорожденного сына. Стэнсон до сих пор в армии, но приезжают даже те из нас, кто в отставке. Я однажды летал в штат Вашингтон ради едва знакомого парня – он нравился Мендосе.

Сегодня людей больше обычного. Впрочем, и любили сегодняшнего погибшего солдата больше других. Не могу произносить его имя, даже мысленно. Не хочу подвергать такому испытанию ни себя, ни маму, которую я по дороге забрал из Ривердейла и привез сюда. Маме он нравился.

Всем нравился.

– Что это за дама? – спрашивает мама и кашляет.

Ее палец указывает на женщину, которую я не узнаю.

– Без понятия, мам, – шепчу в ответ.

Затравленные глаза Сильвина закрыты. Я отвожу от него взгляд.

– Я эту даму точно знаю, – не унимается мама.

На сцену выходит мужчина в костюме. Значит, пора.

– Мам, начинают, – одергиваю я.

Я высматриваю Карину, она уже должна быть здесь. Мама опять кашляет. В последнее время кашель усилился. Он мучает ее года два, если не дольше. Временами проходит, вознаграждает маму за отказ от курения. Потом возобновляется, делается влажным, и тогда она бурчит – мол, с тем же успехом могла бы и дальше курить «Мальборо». Я спорил с ней полжизни, с десятилетнего возраста, и слышал, как то же самое делал доктор: говорил, что мама потеряет легкое, если не бросит, что она и так уже принимает много лекарств. Мама прижимает к губам платок, закашливается. На миг закрывает усталые глаза, вновь устремляет невидящий взгляд на покрытый цветами помост. Гроб, конечно, закрыт. Ни к чему показывать детям неузнаваемое тело.

Черт, хватит! Я провел бог знает сколько времени с медиками, перед которыми стояла задача меня починить, так что по идее я должен уметь отгонять подобные мысли. Увы, разные методы, которым нас учили, не работают. Мрак никуда не уходит, не двигается с места. Может, потребовать от правительства компенсацию? Они, как и положено, оплатили мое лечение, но разве оно помогло? Явно нет. Ни Сильвину, ни мне, ни парню в гробу на помосте.

«Считай в обратном порядке», – советовали нам.

«Считай в обратном порядке и думай о том, что дарит тебе радость или покой. Ощущай твердую почву под ногами. Знай, что ты теперь в безопасности», – твердили врачи.

Когда я нуждаюсь в покое, то думаю о *ней*. С первой нашей встречи. Помогает до тех пор, пока о себе не напоминает реальность. Тогда возникает желание наказать себя за то, что *ее* больше нет в моей жизни, и я еще глубже погружаюсь во мрак.

Я не успеваю закончить сеанс собственной психотерапии – кто-то барабанит пальцами по микрофону, и звук громко разносится по залу.

– Как только все займут свои места, мы приступим, – мягко и безучастно произносит распорядитель похорон.

Наверное, он говорит это по несколько раз в неделю.

Зал умолкает, и погребальная церемония начинается.

* * *

По ее окончании часть гостей выстраивается в очередь к гробу, чтобы попрощаться, но мы продолжаем сидеть. Сильвин ловит мой взгляд и многозначительно поднимает глаза кверху. Кто-то хлопает меня по плечу. Я совру, если скажу, будто внутри не вспыхивает надежда. Карина?! Хотя я уверен, что не она.

Так и есть. Глория. Стоит за моей спиной, одетая в черное платье с вышитыми по лифу белыми цветами. Я видел Глорию в этом платье раз десять, не меньше. Десять похорон. Сегодня просто день потрясений: сначала Карина, за ней Сильвин, потом проигрыш на торгах – четырехквартирный дом в предместье Форт-Беннинга, шикарная была бы сделка, – а теперь вот Глория, которая всегда наводит меня на мысли о ее муже.

– Привет, Глория. – Я встаю, обнимаю ее.

Она тоже меня обнимает, отстраняется, обнимает вновь.

– Ты как? Я за тебя переживала. Не перезваниваешь. – Глория корчит гримаску. – Сволочь, – шепчет, не отводя взгляда.

– Работы по горло, да и не люблю я телефонных разговоров, ты же знаешь.

Глория закатывает темные глаза.

– Дети скучают, ясно? И постоянно о тебе спрашивают.

Дети. От чувства вины к горлу подступает кислота, жжет.

– Я тоже по ним скучаю. – Я опускаю взгляд к ногам Глории, за которые обычно цепляется младший отпрыск. – Буду звонить чаще, я свинья.

Улыбаюсь, и она кивает, чуть ослабляя натиск.

Я ощущаю тяжесть цепочки на шее. Один жетон мой, второй – мужа Глории. У меня есть обязательства и нет прав прятаться от горьких чувств, от скорби по нему, я должен помогать его детям. Я обещал.

– Самая настоящая свинья, – с улыбкой соглашается Глория. – Дядюшка-свинья все равно должен временами нам звонить.

Она вглядывается в мое лицо.

– Я тебя не сразу узнала. Из-за этого. – Глория пробегает пальцами по щетине на моем подбородке.

– Ну да. Я теперь свободный человек. Пора и вести себя соответственно.

– Вот и хорошо. Рада тебя видеть. Даже в таком месте. И тебя тоже. – Глория поворачивается к маме.

Та, не прерывая разговора со знакомой дамой, обнимает Глорию, целует в щеку.

– Карина выглядит прекрасно. – Глория поджимает губы, смотрит мне в глаза. – Она всегда прекрасна, но сейчас...

Глория умолкает, я отвожу взгляд.

– Сейчас выглядит счастливой. Да, именно, – улыбается она.

Ей Карина всегда нравилась, и я слышал, что они продолжают общаться даже после моего отъезда из гарнизона.

Я обегаю церковь взглядом в поисках Карины. Волосы у нее опять коричневого оттенка. Того самого, который между «каштановым и шоколадным», как она однажды пояснила. Это ее любимый оттенок в те периоды, когда «все под контролем». Менять цвет волос под состояние души – один из ритуалов Карины. У нее их целый арсенал – вроде амулетов на удачу.

– Ага. Рад, что она счастлива. Я виделся с ней утром, – сообщаю я Глории.

Она уже в курсе: это понятно по реакции, ни малейшего удивления.

– Дети с тобой? – меняю я тему.

Глория вновь закатывает глаза, качает головой.

– Нет. В Беннинге, с мамой. Я решила, что хватит с них таких мероприятий.

– Со всех нас хватит.

– Вот уж правда.

Подходит какая-то женщина, обнимает Глорию, вовлекает в беседу. Мама по-прежнему разговаривает, и я опять высматриваю Карину. Почему ее до сих пор не видно? Церковь не такая уж большая. Впрочем, Карина умеет растворяться, прятаться среди людей.

В беседе упоминают имя Мендосы, Глория выдает очередные машинальные ответы. Я слышал ее «спасибо» и «у меня все в порядке» много-много раз. Сочувствую ей, вынужденной жить в прошлом. Жить в нем тяжело, вырваться – еще тяжелее. Я понимаю как никто.

Сквозь приглушенные приветствия и соболезнования прорывается мамин голос:

– Микаэл, напомни, куда хочет поступать твоя сестра?

В маминых глазах растерянность, хотя мы обсуждали данный вопрос сотни раз.

– В МИТ, Массачусетский технологический институт, – сообщаю я маминой собеседнице и узнаю в ней мать Лоусона.

Она лучше своего сына, хотя быть лучше Лоусона не так уж и трудно. Я провел с ним последние четыре года во взводе, потом две операции в Афганистане и узнал его ближе, чем родная мать. Ничто не сближает людей так, как война. И еще смерть. В моем мире они идут рука об руку.

– Точно. В МИТ. В этом году она лучшая в классе, и в прошлом тоже. Еще, конечно, два года ждать, но в МИТ ее примут, они же не идиоты.

Мамины черные волосы выбились из заколки. Я их поправляю. Локоны, которые я помогал ей уложить в прическу сегодня утром, распались.

В памяти всплывает лицо Карины – как она хохотала, пока я обжигался о горячую плойку. Мы заметили на маминых пальцах ожоги, и Карина, само внимание и бескорыстие, предложила научить меня завивать мамины волосы. Иногда по утрам руки у мамы дрожали так сильно, что она не могла делать прическу сама, но помощи не просила – из упрямства.

Я приезжаю домой реже, чем следовало бы, однако каждый раз завиваю мамины локоны. Она это любит. Говорит, я стану хорошим отцом. Карина говорила то же самое – утверждала так, будто предвидела будущее. Оказывается, не предвидела. Ни она, ни мама, которая до сих пор надеется на внуков от меня, на продолжателей рода. Это вряд ли.

Вздыхнув, я достаю из кармана телефон, по привычке проверяю сообщения, оглядываю церковь. Людей уже меньше, отыскать Карину будет легче. Либо я пойму, что ее тут нет, либо она вынырнет из какого-нибудь укромного уголка. Если, конечно, не выскользнет тайком из зала, а ведь я ее знаю, она вполне может...

– Я здесь, Дори.

От мягкого голоса Карины я испытываю одновременно шок и облегчение.

– Вот ты где. Все только о тебе и говорят, а ты тут как тут, – произносит мама.

Карина сводит брови, качает головой:

– Слухи, как обычно.

Губы изгибаются в улыбке, Карина обнимает маму за плечи. Пробегает пальцами по ее волосам, расстегивает заколку. Нежно поправляет локоны, закалывает так, как любит мама, – и в тысячу раз лучше, чем умею я. Господи, мама с Кариной будто родные... Я схожу с ума от чувства вины – из-за всего произошедшего мама лишилась Карины. Мама ведь не Глория – та, если захочет, доедет до Каринино дома за десять минут; но мама больше не может водить машину.

– Выйдем на улицу? Здесь душно, – предлагает Карина.

В ее зеленых глазах отражается витражное окно церкви.

Мама идет за Кариной, они оборачиваются на меня, по-прежнему стоящего столбом.

– Ну? – спрашивают хором.

– Мне с вами? – Я смотрю на Карину.

Губы ее приоткрываются, однако она не произносит ни слова.

Телефон у меня в руке вибрирует, я собираюсь ответить, но ловлю взгляд Карины. Она мечет молнии в мой мобильный, своего злейшего врага. Ждет, что я, как всегда, отвечу, поэтому я игнорирую звонок подрядчика. Не свожу глаз с Карины. Она облизывает губы. Явно удивлена и считает это победой.

– Пойдем? – говорю я, закрепляя успех.

Может, меня еще не скинули с игровой доски? Попробую с нее не вылететь.

Карина кивает и выводит нас на улицу под звон церковных колоколов.

Глава 2

Карина, 2017

«Динь-дон». Колокольчик на двери массажного салона звякнул, и я вскочила с кресла на колесиках, в котором лениво каталась по кругу. Клиенты не заглядывали почти час, и на ближайшее время никто не записывался, так что я сидела в салоне одна. Я уже вытерла пыль, пропылесосила, наполнила бутылочки маслом в каждой комнате. Больше занятий не осталось, только интернет-странички в телефоне листать, чего я старательно избегала. Наконец-то потенциальный клиент, он развеет скуку. У мужчины, подошедшего к стойке, был резко очерченный квадратный подбородок, как у питбуля; кепка с флагом штата Алабама закрывала темные волосы и темные же глаза. Незнакомец оказался высоким, безбожно высоким.

– Здравствуйте, слушаю вас, – проговорила я и покосилась сперва на часы на стене, затем на входные стеклянные двери.

От темноты за стеклом пробирала дрожь. Последнее время я не любила находиться в салоне в одиночестве – и сама не могла понять причины. Испытывала сосущую тревогу, которая пугала до чертиков. На меня давило необъяснимое чувство, будто вот-вот случится что-то плохое. Настоящая паранойя, и в голове полный сумбур.

Прежде чем мужчина заговорил, я успела мысленно умереть от его руки дважды.

– Есть у вас сейчас свободные места? – хрипло спросил он.

Сердце ушло в пятки в третий раз.

– М-м...

Хотелось ответить «нет», мол, у меня весь вечер расписан, но я очень нуждалась в деньгах, а на следующей неделе предстояло платить за электричество. Скорее всего незнакомец не станет меня убивать. Ему неизвестно, что я тут одна, и это хорошо. О чем я только думаю? Я, конечно, знатный параноик, но я еще и женщина, а женщину повсюду подстерегают опасности.

– Да... какой массаж желаете? – Я указала на прейскурант на стене.

Ламинированные уголки были загнуты, некоторые цены читались с трудом из-за неразборчивого почерка Мали, да еще и чернила выцвели со времени открытия салона. Я периодически подводила блеклый прейскурант маркером, но Мали и бровью не вела. Только глаза закатывала, когда я предлагала нарисовать новый ценник.

– Час, наверное? Страшно массаж нужен. Спина просто никакая, вот здесь. – Мужчина потер поясницу сбоку, медленно повернувшись.

– Сделаю вам часовой массаж, – заверила я. – Вы у нас первый раз, да?

Я знала в лицо всех постоянных клиентов, и не только своих.

Мужчина кивнул, и я вручила ему папку-планшет с бланком для нового клиента. Ногти у него были грязными, а кожа рук очень сухой, костяшки потрескались и побелели. Лицо выглядело моложе рук, но, даже глядя в черные глаза незнакомца, я не могла определить его возраст. Понимала лишь, что передо мной трудяга, то ли родом из Алабамы, то ли поклонник алабамской команды.

Пока он заполнял бланк, я достала из кармана телефон, незаметно проверила сообщения. Уведомление из «Инстаграма». У меня два новых подписчика и три лайка под недавней публикацией – фото одуванчика, выглядывающего из травы. Еще два подписчика, значит? Я, можно сказать, популярный блогер: двенадцать подписчиков, двадцать лайков под некоторыми публикациями. Впрочем, мои ногти на кресле собрали сотни лайков, так что народ в Интернете впечатлить нетрудно.

– Заполнил. – Голос мужчины прервал мои мечты о сотнях тысяч долларов, получаемых за публикацию эстетических фотографий.

– Спасибо. – Я заглянула в бланк. – Брейди. Когда будете готовы, начнем.

Он кивнул, и я проводила его в свою кабинку. В тесном пространстве мужчина казался еще выше. Приходилось задирать голову, чтобы на него смотреть. Я включила музыку, обогнула стол и зажгла еще одну свечу на полке.

– Кроме поясницы, нужно проработать еще какие-нибудь проблемные зоны?

– Голову, – ответил Брейди.

Шутит или всерьез? Он чуть улыбнулся и стал не таким кровожадным на вид – благодаря ямочкам на щеках.

– Для этого у меня зарплата маловата, – улыбнулась я в ответ. – Есть другие пожелания?

Брейди покачал головой. Не такой уж он и страшный.

– Какой массаж вы хотите? Шведский стиль или тайский? Легкий, средний, глубокий?

Брейди растерялся.

– Я не знаю разницы, но, наверное, средний? Первый раз на массаже.

Я мысленно застонала. Я либо обрету постоянного клиента, либо испорчу человеку первое впечатление. Терпеть не могу такие напряжения. Сама же их себе создаю, а потом мучаюсь. Ну почему я так устроена? Сил моих больше нет.

– Понятно. – Я выдавила слабую улыбку. – Я пока выйду, а вы раздевайтесь, как вам удобно, и складывайте вещи в корзину. Потом ложитесь на живот под простыню с одеялом. Я вернусь минуты через две. Не спешите.

Я задернула за собой шторы кабинки и вновь уткнулась в телефон, в переписку с Остином. Три моих «где ты?», одно «психовать втихомолку должна я!» – и до сих пор никакого ответа. Мы с братом-близнецом пережили немало ссор, нам случалось не разговаривать неделями, но на этот раз все по-другому.

Остин больше не мальчишка, сочинявший безобидные небылицы родителям и девушкам. Он стал лжецом. Соврал мне и поступил на проклятую военную службу, а помог ему Каэл, которому вообще нельзя было доверять! Так нет же, я подпала под его чары и позволила использовать себя в игре против папы. Ужасно хитрой игре и сложной, я даже думать о ней сейчас не в состоянии. Я пролиставала переписку назад, нашла сообщения, которые Остин писал перед возвращением от нашего мерзкого дядюшки. Мы оба тогда радовались.

– Э-э, мэм? – вернул меня в реальность мужской голос.

С перепугу я даже подпрыгнула посреди коридора.

– Черт, – выругалась шепотом.

Долго я тут торчу? Понятия не имею...

– Иду! – пискнула я.

Нет бы сделать вид, будто именно столько и положено ждать.

Я отдернула штору и поспешила к позабытому клиенту. Он, ясное дело, второй раз не придет – даже ради моего убийства, не то что массажа.

– Как подголовник? Удобно?

Мужчина кивнул, я прикрыла ему спину простыней и приступила к работе. Руки заскользили по его лопаткам, а мысли полетели прочь из кабинки, по коридору, на улицу и дальше – туда, куда неизменно устремлялись последнее время.

Глава 3

Домой я попала около десяти вечера. Брейди, новый клиент, стал на сегодня последним. Записался ко мне на ближайшие две недели, и я возблагодарила свою счастливую звезду за то, что он не ушел разочарованным. Час промелькнул быстро, мысли успели пробежаться по всей моей жизни; дома же время потянулось медленно, как мед комнатной температуры. Элоди спала на диване. Я выключила телевизор, села в кресло и уставилась в темноту собственной гостиной. Я вечно боялась темноты, до сих пор иногда резко спрыгивала с кровати – вдруг под ней что-то есть? Я уже не страшилась призраков или того человека, который сидел под кроватью девочки в триллере «Городские легенды» и пугал меня в юности до полусмерти, но жуткое чувство не исчезало. Я обитала в окружении призраков, живых и мертвых.

Элоди крепко спала. Интересно, как там ее муж Филип? И с какой фрукт теперь размером ее малыш? Последнюю неделю я почти не общалась с Элоди – работала, спала и больше ничего не делала. Уже дважды строила планы выбраться в субботу в любимый магазинчик с товарами ручной работы – и каждый раз сама же себя отговаривала.

Часы на стене отбили время. Десять. Я чувствовала усталость и нервное возбуждение одновременно. Тело мечтало об отдыхе, разум не успокаивался. Дом казался пустым, несмотря на Элоди. Может, пусто не в доме, а внутри меня? В последнее время жизнь дарила много откровений, и это одно из них. Другое – у меня мало друзей. Ближайшая подруга беременна и проводит все больше времени с женами военнослужащих, что понятно, но в результате я лишь сильнее погружаюсь в чувство одиночества, которое уже и так меня сдает. Семьи нет. Да, мы с братом близнецы, а значит, связаны на всю жизнь, но он куда-то запропастился. Обычное дело, когда Остин напортачит.

Еще одна проблема – время. Два месяца назад моя жизнь текла совсем по-другому. Остин торчал в Канзасе, в наших с папой скучных отношениях отсутствовали любые драмы и потрясения. Каэл был мне чужим, что все упрощало. Просто невероятно – мы так недолго знакомы, а он уже успел испоганить мне жизнь. Даже сейчас я сижу в темной одинокой гостиной и думаю о нем. Не могу остановиться, хоть и ясно как божий день, что только делаю себе хуже. Я едва знаю Каэла, и тот Каэл, которого я знаю, проклятый лжец. Почему моя тупая голова никак этого не поймет?!

Всего две недели назад я узнала о том, что Каэл помог Остину тайком завербоваться в армию – самый жуткий мой кошмар, и Каэл об этом знал, да только плевать хотел. Колени задрожали, я запустила пальцы в волосы. Минутная стрелка на часах едва сдвинулась, а я успела мысленно проиграть всю нашу с Каэлом совместную жизнь, от первой встречи до последней. Дождь, который поливал меня в тот день... Я не могла забыть, как ни старалась.

Забывать я научилась мастерски, забыла даже про существование матери, которая сбегала от нас без оглядки. Вот на что я способна. Однако воспоминания о Каэле почему-то не отпускали, изводили меня. Раньше я никогда не считала дни, не тарасилась на стрелки часов, умоляя их двигаться. Теперь же циклилась на времени, ощущала его. Боялась стать такой же одержимой, как мама, но доводы разума не помогали.

Не помогали уже давно. Я циклилась на том, чтобы не циклиться, но с завидным постоянством торчала за кухонным столом, тарасила глаза на часы и мечтала, чтобы время ускорило ход. Хотела перейти к следующей стадии горевания, к той, которая, по всеобщим утверждениям в «Инстаграме», побуждает встречаться с друзьями, пить вино и смеяться до слез. Поскольку слезы я лила редко и друзей особо не имела, подобное развитие событий выглядело маловероятным. Мне бы просто в ту стадию, где я прекращу разглядывать «Фейсбук» Каэла или вспоминать вкус его пота на губах во время поцелуев...

Я отправилась в кухню. Желудок при виде холодильника заурчал. Когда я ела в последний раз? На столешнице лежал хлеб. Черствый. Ну и ладно, сойдет, все равно аппетита нет. Прошел, наверное, час, прежде чем я вынырнула из воспоминания – Каэл читает стихи на моем крыльце, мы смотрим на звезды, обсуждаем их... Хорошее воспоминание, одно из немногих, которые дарят ощущение легкости и счастья.

Мой взгляд был устремлен вверх, сквозь крышу в небо. Точнее – на трещину в потолке, которая за последнюю неделю расплзлась почти на всю кухню и приняла форму гигантской молнии. Неужели вселенная не могла проявить сострадание и отложить появление трещины до следующего месяца, когда прекратятся непрерывные дожди? Я не удивлюсь, если крыша окончательно прохудится. С моим-то везением... А денег на починку нет.

Я подковырнула заусенец. Лака на ногтях давно не было, и теперь я обдираю кожу вокруг. Старалась себя сдерживать, даже пробовала давний мамин совет. Когда я впервые влюбилась и начала заботиться о внешности, мама сказала – приспичит ковырять заусенцы, сядь на руки. Совету я не последовала, но не забыла его.

Еще я помнила, что в тот день мама постоянно улыбалась из-за какого-то письма. Все прижимала его к груди. Мы с братом наблюдали с лестницы: вот мама стискивает бумажный листок, вот мечтательно смотрит в небо. Она так сияла, что мы с Остином старались смотреть не на нее, а друг на друга.

Глава 4

Открыв глаза, я перепугалась до смерти: я лежала щекой на кухонном столе, рядом с буханкой хлеба. Шея болела от неудобной позы. Я покрутила головой, похрустела позвонками и вспомнила свой сон. Я и брат на лестнице, мама готовит вместе с нами лазанью и танцует по кухне под песни Аланис Моррисетт... Потом другой сон, в нем плачет девушка.

Пробудилась я в четыре часа и обнаружила перед носом пакет с хлебом. Закрутила проволочную завязку на пакете, побрела в спальню. Рухнула в кровать, не снимая рабочей одежды.

Наступило утро. Я наконец приняла душ и почувствовала себя человеком. Элоди куда-то собиралась, она дважды говорила, куда именно, но я не могла вспомнить, хоть убей. Мы шутили, что я заразилась от нее забывчивостью беременных. Я вставила кофейную капсулу в старенькую кофеварку и подождала, пока живительная влага наполнит чашку. Прихлебывая кофе и глядя в окно, я ковыряла все тот же черствый хлеб, а солнце по-прежнему пряталось, и небеса продолжали плакать.

– Скоро вернусь. Куплю кое-что в магазине. – Элоди приобняла меня сзади, я ощутила запах фруктов и белья.

– Ты выспалась? – спросила я, вглядываясь в ее нежное лицо.

Кожа была розовой и светилась, но глаза припухли. Элоди нужен отдых.

– Кари, прости. Ты, наверное, слышала ночью нашу ссору.

Элоди встала передо мной, тряхнула короткими светлыми волосами. Я посмотрела в большие голубые глаза с покрасневшими белками, на искусанные губы.

– Филип просто... нервничает, потому что находится далеко. Вот мы и ссоримся часто. Но он в порядке. Все в порядке, – заверила она, нервно стискивая пальцы перед животом.

Я ни капельки не поверила, но настаивать не стала. Пусть Элоди успокоится. Захочет – сама потом расскажет.

– Ничего я не слышала. – Я пожала плечами. – Я вообще уснула на кухонном столе.

Я хохотнула, стараясь заглушить женский плач из смутного сна. Элоди улыбнулась, милое личико расцвело от облегчения.

– Ладно, я скоро. Мне тоже работать надо. – Она расцеловала меня в обе щеки и убежала.

– Пока! – крикнула я в захлопнувшуюся сетчатую дверь.

Ссорятся, значит? Вот черт! Хоть бы у них все наладилось. Если же нет... значит, Элоди с малышом поддержу я. Боже, страшно-то как... Тем не менее Элоди нужны спокойствие и хорошее настроение, чтобы малыш легко появился на свет. Я помогу ей, чем только смогу.

Я загрузила белье в стиральную машину и вернулась в спальню. Она выглядела непривычно большой – с голым матрасом и без подушек в изголовье, переложенных пока на комод. Я провела пальцем по поверхности комода, нарисовала на серой пыли букву «К» и сердечко. Я делала так всегда, если под рукой оказывалась бумага, еще со времен школьного ежедневника. В моем маленьком домике пыль скапливалась очень быстро, я за ней не поспевала. И за стоящим на комоду кактусом. Он засох. Господи, я неспособна поддерживать жизнь даже в кактусе...

Я села на кровать, достала телефон. Упрямо его проверила, хотя мне никогда не звонили. Вытерев экран о пижаму, отложила телефон на комод и взялась за одежду. Пока оделась, взмокла: сквозь трещины в оконных рамах просачивался влажный дождевой воздух. Комната напоминала сауну и выглядела ужасно. Я включила кондиционер в углу. Сразу же выключила, потому что счет за электричество и так неподъемный. Пора убираться из комнаты, иначе я сейчас затею косметический ремонт.

Посуда! Можно вымыть посуду. До работы еще полчаса, а я уже готова к выходу. Нужно убить время. Конечно, если оставить посуду грязной, Элоди потом вымоет, но зачем ей отскабливать от сковороды неудавшуюся лазанью?

Я пустила воду, и тут на экране телефона высветилось имя Элоди.

«Захватить кофе? Я почти у дома».

Я посмотрела на пустую чашку и ответила. Чем больше кофеина я получу, тем лучше сложится день. К обеду стану нервной, но это для меня уже норма жизни.

Может, позвать Элоди потусить сегодня вечером по-настоящему? Я бы заказала столик в единственном городском ресторане, где бронируют места. Элоди любит тамошные стейки. Нам не помешало бы в кои-то веки выбраться из дома. Заодно покажу Элоди, что хочу проводить с ней время, а не быть просто соседкой и торчать рядом на диване, пока мы обе глазеем в телефоны и стараемся не уснуть. Элоди теперь часто пропадает у друзей. Неужели они нравятся ей больше, чем я? Видимо, да, раз она почти всегда с ними.

Впрочем, разве это плохо? Чего я переживаю? С этими дамочками у Элоди куда больше общего. Я с ними не встречалась, но знала, какими бывают компании молодых армейских жен. Одним – душечки, другим – язвы. Помню, как отвергали маму и как она бунтовала против навязываемого ей образа типичной офицерской жены. Папа ожидал от мамы правильного поведения, соответствующего гордому званию носительницы фамилии и хозяйки дома.

Элоди совсем не похожа на маму, да и времена, возможно, теперь другие. Однако я то росла под мамины возмущенные выступления и верила им безоговорочно. Добрую Элоди было легко обидеть. Она лучилась светом, а милый акцент смягчал все ее слова и поступки, делая в какой-то степени белой вороной. Печально, но факт – люди бывают чертовски грубыми. Прежние подруги Элоди пародировали ее акцент якобы шутя. Одна вообще обвинила Элоди в приставаниях к своему мужу – та по невинной привычке расцеловала парня в обе щеки. Мегеры накинулись на бедняжку, даже опубликовали пост на «Фейсбуке»; перемыли ей косточки, хотя и не раскрыли имени. Нынешняя компания Элоди ничем не лучше. Рано или поздно эти армейские женушки тоже себя проявят.

Я давно усвоила: считать людей непредсказуемыми – глупо. Они сами о себе рассказывают, надо только слушать. Этому писательница и активистка Майя Энджелу учила Опру, которая учила меня. Даже Эстелла, папина степфордская жена, страдала от дурацких слухов, а ведь отец был в Форт-Беннинге важной шишкой. Занимал один из самых больших особняков в гарнизоне и покупал Эстелле в военторге очень красивые сумочки, безналоговые. Она из кожи вон лезла, участвовала во всех распродажах домашней выпечки и групповых поездках в Саванну. Как бы Эстелла ни старалась, о ней и папе продолжали сплетничать. Гарнизонные дамочки рассказывали, как «чокнутая», «вульгарная» папина бывшая сбежала от него без оглядки. Некоторым моя мама нравилась, и они шептали о том, что Эстелла путалась с отцом еще до ухода мамы. Одноклассники повторяли эти разговоры нам с братом. Остин иногда даже дрался с мальчишками из-за мамы и ее загадочного исчезновения. Ладно, хватит думать о собственных ранах, сейчас речь об Элоди. Нужно защитить ее от обидчиц.

Элоди получала удары с двух сторон; ее муж Филип звонил из Афганистана все чаще, и они ссорились все сильнее. Она теперь почти не спала, а ведь еще недавно только это и делала. Последнее время Элоди ужасно уставала: ходила к подругам и на собрания группы поддержки для семей военнослужащих, по возвращении включала «Нетфликс» и засыпала посреди серии, однако в три часа ночи уже говорила по телефону. Продолжала спать на диване – мол, на нем не так одиноко, как в кровати, – но крепко обнимала подушку-валик для беременных. Я тоже начала подумывать о покупке подушки-обнимашки. Может, и мне будет не так одиноко?

Я выработала новую философию: каждый час сна уменьшает время пребывания в дурдоме под названием «моя жизнь». Меньше шансов рассориться с братом, встретить Каэла, угодить в очередную неприятность. Когда я заканчивала работать, или выдерживать заполонившие

двор сорняки, или убирать в доме, или даже глазеть на трещину в кухонном потолке, наступала пора просыпаться и повторять все вновь. Только эти отупляющие занятия имели на меня противоположный эффект – разум совершенно не отуплялся. Мысли постоянно бурлили, я искала объяснение своим бедам.

Неужели прошло лишь две недели? Ссоры с Брайаном, предыдущим парнем, никогда меня особенно не волновали. Из нас двоих именно я меньше переживала, совсем не плакала и не шла на уступки в случае своей правоты. Он же извинялся. По крайней мере вначале.

Роман с ним меня измотал, и, когда Брайан окончательно исчез из моей жизни, я поняла, что дорожила им по одной-единственной причине: это были самые близкие мои отношения с мужчиной. Точнее, с мальчиком, который притворялся мужчиной. Вообще-то к данному типу принадлежали почти все мои кавалеры. Классика. Трудные отношения дочери с отцом и прочее.

Каэл же... Он был исключением из любых правил. Опровергал каждый мой стереотип про мужчин и отношения. А потом опровержениям пришел конец.

Зато я укрепилась в мысли, что доверие к малознакомым людям не доведет до добра. Собственно, доверие ко всем людям, поскольку я не могла доверять ни брату, ни папе, ни даже себе.

Остин разрушил свою жизнь. Каэл ему в этом помог... Даже думать о них не хочу! Мысли беспорядочно скакали, сердце бешено стучало в попытке за ними угнаться.

На ноги плеснуло, я посмотрела вниз. Через край кухонной раковины текла вода. Единственные рабочие туфли промокли. Когда я включила воду? Да что со мной происходит, черт возьми?!

Я поспешно дернула кран, бросила на пол полотенце, втаптывая его в лужу. Вылила на оставшуюся посуду море лавандового средства для мытья, чтобы отбить запах. Почерневшая сковорода до сих пор воняла горелым сыром. Этот аромат вкупе с дождевой уличной влагой – не лучший букет для старого дома.

Я пробежала пальцами по гладкой керамической тарелке. Нашупала в мыльной пене выгравированную дату – в тот день Эстелла с папой поклялись любить друг друга, пока смерть их не разлучит.

Удивительно, как этот хрупкий свадебный подарок уцелел в моем бардаке.

Глава 5

Кухонная дверь распахнулась, по дому поплыла французская речь. Родной язык Элоди. Она явно была расстроена, но что именно говорила, не понять. Я выучила от нее лишь несколько французских слов, на том мои познания закончились.

Элоди кивнула, беззвучно пошевелила губами: «Прости» – и направилась к шкафчикам. Руки ее занимали пакеты с покупками и кофейный поднос, который она удерживала из последних сил. Элоди, как и я, уже надела рабочую форму, но поверх еще накинула короткий дождевик. Светлые волосы под капюшоном, собранные в маленький пучок, остались сухими. Я вытерла мыло с рук и поспешила на помощь.

Сумки оказались неожиданно тяжелыми. В одной я увидела пачки цветного картона, ножницы, клей. Беременным нельзя столько носить. Женский голос в трубке зазвучал гораздо громче и отрывистой, Элоди отодвинула телефон от уха.

– Родители, – пояснила она, опуская пакеты на стол.

О ее родителях я знала мало. Лишь то, что они не испытывали восторга по поводу решения дочери покинуть Францию ради брака с американским солдатом. В военных поселениях вроде нашего нечасто увидишь французов. Я встречала много жен из Южной Америки и Мексики, одну из Германии, но из Франции – никогда.

Жизнь Элоди в Джорджии сильно отличалась от жизни на родине. Европа ни капельки не похожа на юг Соединенных Штатов. Надеюсь, по возвращении Филипа из Афганистана Элоди станет легче. Хотя... Мне вспомнилось, как зло он разговаривал с ней недавно по «Скайпу», – я тогда вошла в комнату и невольно услышала несколько фраз. Да и сегодня утром Элоди выглядела убитой из-за ночной ссоры с мужем. До чего грустно... Надеюсь, у них это временно, просто типичные размолвки молодой пары, в которой муж на войне, а жена беременна.

Ох, боюсь, мой оптимизм притянут за уши.

Элоди, продолжая говорить по телефону, направилась к выходу, но я ее остановила.

– Я принесу остальное. Ты разбирай покупки.

Она улыбнулась, однако тут ее собеседница что-то сказала, и Элоди замерла. Переключила телефон на громкую связь, опустила его на столешницу. Заговорила, перекрикивая возмущенный голос матери. Я направилась за пакетами к машине. Бедная Элоди, и тут ей нет покоя. Надеюсь, не все так страшно, как кажется. И надеюсь, я успею быстро сбежать к машине и обратно, не вымокнув до нитки. В дождь я регулярно оказывалась без зонта и плаща, а резиновых сапог вообще никогда не имела. Была не готова к обычной жизни, зато чересчур готова к маловероятным событиям. К примеру, хранила набор выживания на случай землетрясения – да-да, в южной Джорджии. При этом не могла похвастать ни одним дождевиком, хотя дождей у нас шло предостаточно.

Элоди, прикусив язык, буравила взглядом телефон. Я посмотрела на нее еще раз и распахнула сетчатую дверь. Выскочила наружу, взвизгнула от дождевых струй и припустила вперед, стараясь не поскользнуться на грязи. В открытом багажнике, кроме пакетов с покупками, обнаружилась сложенная детская коляска. Светло-зеленая, на вид почти новая, но без коробки. Временами я забывала, что в моем домике скоро появится еще один человек.

Я приложила ладонь к коляске, чуть постояла так, затем подхватила покупки и побежала назад. Во влажном воздухе густо пахло землей – очередной мой недобитый проект старательно добивал двор. Впрочем, скромный ремонт, который я слишком затянула, потихоньку продвигался. Я почти закончила укладывать плитку в ванной. За одну несчастную неделю.

Невроз или ответственность? Пожалуй, немного того и другого.

Мимо знака «Стоп» проехал внедорожник, и сердце ухнуло вниз. Это был не Каэл, не его машина, но она напомнила о нем, о его громком «Форде», о том, как дребезжал мой домик,

когда Каэл под окнами поддавал газу. Внедорожник свернул в переулок, от огромных колес во все стороны полетела дождевая вода. Вот сволочь.

Я промокла насквозь. Еще бы, стою тут, словно потерявшийся щенок! Я поспешила внутрь, хлопнула задней дверью. Элоди уже не разговаривала, сидела за кухонным столом.

– Прости за это безобразие. – Она тяжело вздохнула, глаза налились слезами. Голос ее дрожал, акцент слышался сильнее обычного. – Они хотят, чтобы я вернулась домой.

– Что? Кто?!

Я упала на стул напротив и вытерла с лица дождевые капли. Элоди выглядела потрясенной, покрасневший кончик носа выделялся на фоне очень бледной чистой кожи и розовых щек.

– Что случилось, Эль?

– Кто-то... кто-то написал родителям глупое вранье, и они поверили ему, не мне...

– То есть? Кто им написал? – в полной растерянности переспросила я.

– На «Фейсбуке» маме прислали сообщение про измену Филипа, еще что-то в том же духе.

– Кто прислал? Ты знаешь?

Элоди покачала головой и, не глядя на меня, ответила:

– С какой-то фальшивой странички. Это глупо. И неправда. Не понимаю, зачем? И как вообще нашли моих родителей?

Мне не хватало слов. В голове теснились одни вопросы.

– На кой черт такое делать? – обратилась я к кухне.

– Просто кошмар. – Плечи Элоди затряслись. – Да еще на обратном пути позвонил врач, сказал, что у меня по анализам низкий уровень сахара в крови. Все от стресса.

Ее телефон вновь завибрировал, на экране высветилось «Папа». Она отодвинула мобильный подальше.

– Я больше не выдержу. Не смогу.

Элоди прижала пальцы к вискам. Ее грудь вздымалась и опадала, телефон на столе дрожал.

– Они считают, я не справлюсь. Ни с чем. Не сумею быть женой, матерью. Столько проблем, а ведь малыш еще даже не родился. – Элоди заплакала. – Где ему жить? У меня нет дома, нет колыбели. Ничего нет. Я сама не понимаю, что делаю.

– Ох, Эль... – сочувственно выдохнула я и придвинула стул чуть ближе. – Ты станешь прекрасной мамой. Даже не сомневайся. Это не просто слова. Я знаю тебя, твое доброе сердце, все будет хорошо.

Я старалась говорить как можно убедительней. Малыш на подходе, Элоди нужен заряд уверенности. К тому же я готова была подписаться под каждым словом. Я повидала разных матерей: и хороших, и плохих, и очень плохих.

– Карина, я серьезно. Я тут одна. Если ребенок родится, а Филип еще не приедет, или будет ранен...

Она заметно дрожала. Я потянулась через стол, взяла ее за руку. Ладонь была ледяной.

– Ты замерзла.

– Да ничего, – пожала плечами Элоди и заговорила с чувством: – Сейчас мне плевать на холод. Родители уверены, что я не справлюсь. Папа так и заявил сейчас по телефону, мама поддержала. Им страшно до ужаса. Так сказали. До ужаса!

Я обдумывала услышанное.

– «До ужаса» – это перебор, – заметила я, злясь на ее родителей.

Нашли время для беседы о супружеских трудностях! Не поздно ли?

– Зря они так говорят, – добавила я. – Ошибаются.

Элоди на меня даже не глянула.

– Они теперь и мужа моего ненавидят. Думают, он мне врет и изменяет, пока я тут совсем одна.

Она подчеркнула последнее слово, и я ощутила стыд за то, что не сумела избавить ее от чувства одиночества. Очень жаль Элоди. Бедняжка, родители на нее накиннулись... Я вспомнила слова Каэла: «Чувство собственной правоты обязывает. Нужно понимать, кому и как ее доказывать. Искать к каждому человеку свой подход». Очередная мудрость от Микаэла Мартина, поэта собственной персоной.

– Ты не одна, – сообщила я Элоди, прогнав Каэла на задворки сознания.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем она заговорила. Посмотрела на меня, очень печально и искренне. Элоди была сломлена, я ощущала ее отчаяние, видела в каждом движении.

– У меня есть ты. Я ценю это и люблю тебя, но скучаю по своей большой семье и старым знакомым, по жизни дома. В последнее время стало чуть легче, все-таки друзья появились...

Элоди виновато умолкла, словно спохватившись, и ушла от темы друзей.

– У малыша не будет здесь семьи. Да и как мне работать? При нынешней зарплате я не смогу взять няню...

– Эль. Мы живем вместе, я присмотрю за малышом, пока ты работаешь. Организуем смены в разное время.

Элоди тут же напомнила о том, что наше соседство не навсегда:

– Карина, когда Филип вернется, я буду жить дальше от работы.

– Ничего, сможешь завозить ребенка ко мне по дороге.

– Тебе не решить моих проблем, Кари. Я знаю, что ты хочешь помочь, но это не в твоих силах. Наверное, зря я вышла замуж? Мчалась сюда в такой спешке... Не знала, какие они, Штаты... Не предполагала, что буду надолго оставаться одна. Мама права – я прыгнула в самолет, почти не зная Филипа, а вскоре еще и забеременела. Чем мы думали? – Голос Элоди надломился, она вскинула руки вверх, словно вопрошая небеса.

Заплакала еще горше. Напряжению требовался выход. Рыдая, Элоди обмякла на стуле.

Слезы текли по щекам, лицо все больше краснело. Она прижимала руки к животу и всхлипывала. Я не знала, что сказать, как утешить. Возможно, Элоди права, я не могу помочь. Это не в моих силах.

– У меня нет денег даже на возвращение домой. Боже, что делать? Родители злятся, а я из-за них теперь во всем сомневаюсь. – Она вновь зарыдала. Потом испуганно добавила: – Мне страшно до ужаса. – Поперхнулась слезами, начала кашлять.

Я поспешно налила ей воды, Элоди залпом выпила весь стакан. Похлопала себя по груди.

– Тут болит, голова сейчас лопнет. Я...

Поток слез иссяк, но Элоди продолжала вздрагивать, словно в истерике. Плечи трясло от сухих рыданий. Прошло несколько секунд, паника взяла верх, и Элоди на глазах превратилась во встревоженную мамочку. Руки вновь обняли живот, я протянула ей новую порцию воды. Элоди помотала головой, глубоко дыша и истерически всхлипывая без слез. Громкие рыдания заглушили звук открывшейся задней двери. Через порог как ни в чем не бывало шагнул Остин. В голове у меня поплыло.

Глава 6

Судя по виду, брат не спал неделю. К тому же напоминал дикобраза: спереди и по бокам торчали светлые волосы, ко лбу липли мокрые пряди, с них стекала вода.

Явился, надо же, – в синей футболке и черных джинсах с прорехами на коленях, ошалевший и растерянный.

Злость на него взыграла с новой силой. Остин проскрипел черными кедами по половицам. Я пошла на него:

– Какого черта тебе тут надо?

– Кари, да ладно тебе...

Его усталый взгляд перескочил с меня на Элоди, и Остин тут же рванул к ней.

– Е-мое! Что с тобой?! – крикнул он, затем повернулся ко мне: – Что с ней?

Мое сердце бешено стучало, грудь вздымалась от ярости.

– Исчезни из моего дома, Остин! Не до тебя сейчас. Наши разборки подождут.

Ну и наглец! У него материнские нервы.

И отцовские тоже. Просто с ума сойти.

Он вдруг стал похож на мальчишку. Остин никогда не умел контролировать свои чувства, мы были близнецами во многих отношениях – но не в этом. Его взгляд, обращенный на Элоди, напомнил мне о маленьком зеленоглазом мальчишке, который плакал из-за того, что папе продлили срок боевой командировки. Остин рыдал каждый раз, когда отцу предстояло участвовать в войне. Я же не рыдала, наоборот – испытывала облегчение. Оно росло вместе со мной. Хотя я никому не рассказывала.

– Что с тобой? – вновь спросил Остин у Элоди.

Она дрожала, согнувшись и обхватив живот руками.

– Я... живот... странное ощущение... ребенок... – Элоди покачала головой. – Наверное, ерунда, я к себе чересчур прислушиваюсь.

– Ты беременна, и тебе нехорошо. Давай позвоним врачу или еще кому-нибудь?

Ну и кому я позвоню за советом? Не маме же. И не Эстелле.

– Нужно ехать к Мартину, – заявил Остин.

– Что?.. – ахнула я, но умолкла.

Черт – ну да, у нас же в гарнизоне госпиталь имени Мартина.

– В больницу, – пояснил брат.

– Да понятно! – огрызнулась я. Не хватало еще, чтобы он заподозрил меня в мыслях о Каэле.

– По шкале от одного до десяти, какой силы у вас... – передразнил Остин гипотетического доктора.

– Так ты себе врачей представляешь? – спросила Элоди, тяжело дыша.

– Угу. Прости, я не доктор Стюарт, или как там зовут Патрика Демпси в медицинском сериале?

Брат сумел вызвать у нее улыбку, однако бледность Элоди усиливалась на глазах.

Я паниковала, но изображала уверенность и тоже смеялась. Причем смех был искренним. Я чувствовала пустоту и цельность, тревогу и спокойствие... Забавная штука эмоции, мы столько всего можем ощущать одновременно. Способность быть разной в одну и ту же секунду, бремя навалившихся проблем – что это? Суровое наказание от бездушного древнего бога? Боль, трудности, психологическая травма, несчастная любовь, все обрушилось на одного человека... А тут еще Элоди собралась преждевременно рожать у меня на кухне.

Мысли бешено скакали, а Элоди смеялась над «Анатомией Грей». Надо же.

– Не расстраивайся, я все равно больше люблю Дага Росса из «Скорой помощи», – утешила подруга Остина.

Говорила она неровно, в паузах между тяжелыми выдохами. Придерживала живот и выгибала спину.

– Не знаю, кто он такой, но...

Элоди вытаращила глаза:

– Как не знаешь? Это же американский сериал. Джордж Клуни! А ты не знаешь? – Она вновь выгнулась дугой.

– Ребята? – позвала я наконец вслух после того, как трижды сделала это мысленно.

Оба посмотрели на меня. Элоди напоминала привидение. Она согласилась со мной прежде, чем я успела открыть рот.

– Хорошо. Хорошо. Надо ехать.

– Элоди, сможешь встать? Наверное, лучше сразу в «Скорую», а не к врачу? Я гляну в «Гугле», на всякий случай.

Я понимала, у нее что-то вроде приступа панической атаки. Это может быстро пройти, а может ухудшиться, тут не угадаешь. Лучше не рисковать, тем более после недавнего сообщения доктора о низком уровне сахара в крови. Я погуглила и убедилась, что в таком состоянии беременную надо везти в «Скорую».

– Да, поехали. Эль, вперед.

Мобильный на столе вновь засветился, вспыхнуло фото отца Элоди. Я покосилась на нее – не видит? – и перевернула телефон экраном вниз.

– Хотя бы убедимся в том, что малыш в порядке. Это недолго. Я тебя отвезу.

– Сейчас в отделении «Скорой» народу немного, – заверил ее Остин. – Я с вами.

– Ладно. Ладно. Надеюсь, мы и правда быстро. – Элоди кивнула.

В отделении «Скорой» народу всегда много, но я решила не возражать. Главное – успокоить Элоди, остальное не важно. Она кивнула, и Остин, нагнувшись, подхватил ее под колени и поднял, точно пакет с покупками.

– Я могу идти, – возмутилась Элоди.

Остин лишь надвинул капюшон дождевика ей на голову. Элоди вздохнула, но вырваться не стала. Пока Остин нес ее через двор, я искала ключи, которые обнаружились в кармане формы. Руки дрожали, хотя все вроде было нормально. Ну, не совсем нормально, но ведь не как в кино, где люди кричат, бегают, плачут и кругом дурдом.

Я вдруг вспомнила про работу. Смена началась! Не жизнь, а черт-те что.

Я обогнала Остина, открыла заднюю дверь машины, и он бережно опустил Элоди на сиденье. Мне очень хотелось сказать брату, чтобы он сел сзади, – а лучше вообще ушел. В его присутствии ей явно полегчало; наверное, она думала, причем справедливо, что от меня сейчас толку мало. От Остина, между прочим, не больше. Хотя рядом с ним Элоди немного успокоилась, спрятала лицо в ладони и прислонила голову к его плечу.

Когда он распахнул пассажирскую дверцу, я с трудом смолчала, лишь демонстративно вздохнула и села за руль. Включила музыку, глянула, удобно ли Элоди. Она плакала. Остин смотрел в окно. Дергал ногой, как всегда в минуты волнения. Кажется, шевелил губами, но я ничего не слышала за голосом Райана Сикреста, ведущего на радио.

Едва выехали на шоссе, загорелась лампочка «Неполадка двигателя». Беда не приходит одна.

– Эль, военное удостоверение при тебе? – спросила я, перекрикивая скрипучие «дворники».

Без документа нас вполне могут не пустить за ворота. Если охранники окажутся не в духе, их не смягчит даже заплаканное лицо беременной, которой явно больно.

– Я прихватил удостоверение, оно лежало возле телика, – объявил Остин. – Кари, послушай... – начал он, когда я пошла на обгон грузовика с прицепом.

– Нет! – рявкнула я.

Брат сложил руки на коленях, и я добавила:

– Потом.

Я многозначительно покосилась в зеркало на Элоди. Она изучала свой живот, по лицу текли слезы. Поймав мой взгляд, Элоди сказала:

– До переезда сюда у меня таких приступов не случилось.

– Раньше ты жила по-другому. К тому же у тебя не было мужа на войне и ребенка размером с ананас в животе.

В ее глазах вспыхнул слабый огонек, уголки губ на мгновение приподнялись.

– Да. Это верно. Простите, что я вас переполошила.

Она уже не плакала, но плечи еще вздрагивали.

– Минут через десять приедем, – сообщила я.

Остин потянулся к моей руке – в детстве он делал так, когда родители спорили в машине. Обычно это происходило при возвращении с какого-нибудь «увлекательного» семейного уик-энда, навязанного мамой. Она не выдерживала долго в доме, а папа не выносил ее, и мама придумывала очередную эскападу. Видимо, они не могли провести бок о бок целых два с половиной дня, поэтому на обратном пути, в воскресенье, кричали друг на друга. Все начиналось с папиной «шутки» и заканчивалось тем, что мама хлопала дверью и ночевала на качелях на крыльце. Клянусь, там мама чувствовала себя лучше, чем внутри папиного офицерского дома; она не ощущала его своим.

Иногда из-за родителей мы с братом сближались, а иногда из-за них отталкивали друг друга. Сейчас я отдернула руку – в истории с вербовкой Остин выступал в отрицательной роли. В роли нашего отца. Тот наверняка поспособствовал зачислению Остина на службу, но в этот раз предали меня не родители, а брат, и я не хотела его прикосновений. Даже его присутствия в машине не хотела.

Брат прислонился к боковому окну и уставился перед собой. Знакомый взгляд. Тоска, жажда прощения и принятия. Я не в силах дать этого Остину. Он ведь не шину на моем велике проколол и не кукле голову отломал, как в детстве. Поступок брата совсем другого масштаба. Небо и земля. Пусть теперь тоскует, я не желаю сдаваться и прощать лишь потому, что не могу видеть Остина несчастным.

Он сделал выбор, хотя в детстве мы дали друг другу обещание. Остина отправят в лагерь для новобранцев. Затем в Ирак или Афганистан – или где мы там сейчас воюем? И что тогда? Армия погубит его, как губит все и всех. Только я пока не готова говорить с ним об этом. Не важно, сколько раз я проверяла телефон и перечитывала нашу последнюю переписку, на самом деле я не готова к этой битве.

Мы ехали в тишине, все трое страдали, каждый по-своему.

Глава 7

Медсестра вызвала Элоди лишь через час.

Я двинулась за ней следом – мимо сопливых краснолицых детей; мимо солдат в военной форме, не отрывающих взгляда от мобильных телефонов; мимо кучи других людей с телефонами, в том числе множества измученных родителей и гиперактивных детей. Приемная была огромной и навевала уныние, мы просидели молча весь час ожидания.

Остин от нас не отходил, показывал Элоди фотографии «злых младенцев» на «Фейсбуке». Смешил ее, да, но это не делало его святым. Когда мы с Элоди поднялись, брат меня окликнул. Я одарила его неоднозначным взглядом. Он мог означать «пошел ты», а мог – «я занята, подожди, пожалуйста». Пусть Остин сам выбирает, мне плевать.

Где-то за дверью кашлял невидимый ребенок: хриплый лающий звук, будто из фильма ужасов. Мы прошли три зашторенные псевдопалаты: временные, лишённые какого-либо достоинства отсеки. Ненавижу больницы, да и любые другие места, где чувствую себя несвободной! Кашляющий ребенок заплакал, и мое сердце испуганно сжалось.

Медсестра в «палате» Элоди взвесила ее, измерила давление, затем попросила меня выйти. Я глянула на подругу, та кивнула.

Нужно позвонить Мали, в ужасе сообразила я. Мобильный показал три непринятых звонка. Она меня убьет. Еще и голосовое сообщение... Не буду его слушать – все равно Мали сейчас устроит взбучку по телефону. В порошок сотрет. Я опаздываю уже на сорок минут.

Я прислонилась к единственной настоящей стене, которую сумела найти, и набрала номер Мали, но ответа не получила. Вдохнула, однако почувствовала облегчение оттого, что можно просто поговорить с голосовой почтой. Едва зазвучало приветствие автоответчика, в трубке дважды пискнуло – по другой линии звонила Мали.

Я набрала в грудь побольше воздуха и рассказала о случившемся. Объяснила – я приеду примерно через час, а вот Элоди сегодня явно не работник. Мали сообщила, что наше отсутствие стоило ей двух новых клиентов, но под конец разговора велела передать Элоди пожелания выздоровления. Я улыбнулась. Мали – добрая душа.

Я подумала о брате. Пожалуй, не буду даже сообщение ему писать, просто улизну из больницы через черный ход, минуя приемную. Нет у меня сил общаться с Остином, обсуждать, почему он сделал то, что сделал, и почему не рассказал мне. Да и не знаю я, что ему говорить. Мне нужны ответы, только готова ли я к ним? Можно, конечно, и дальше прятать голову в песок, но это ничего не изменит. К тому же в глубине души мне хочется знать все, даже в нынешних обстоятельствах. Если я выясню правду о вербовке Остина и пойму наверняка, что Каэл вел подлую игру, мстил за некие папины прегрешения, – тогда мне полегчает. Надеюсь.

Хочу ли я знать подробности? Не очень. Станет ли от них легче? Вряд ли. Сумею ли я избегать и Каэла, и брата вечно? Увы, нет. Однако сегодня – сумею.

Словно по команде, в коридор влетел Остин. К счастью, в этот момент из-за занавески Элоди выглянула невзрачная медсестра и попросила меня войти.

– Она зовет вас обоих, – махнула медсестра Остину.

Ладно. По крайней мере не придется выяснять с ним отношения.

Элоди, очень юная, с поднятой до груди рубашкой и оголенным животом, сидела в кровати. К животу крепились тонкие провода при помощи клейких полосочек телесного цвета – медики проверяли состояние малыша. Элоди уже не плакала и казалась спокойной. Усталой, но спокойной.

Присев на край кровати, я взяла подругу за руку. Просвечивающие темно-синие вены придавали бледной коже серовато-голубой оттенок. Я ощутила дурноту – под флюоресцент-

ными лампами Элоди выглядела совсем больной. Сердце сжалось. Я привыкла видеть ее румяной и с блеском в глазах.

Она тронула живот.

– Малыш в порядке. Мне просто нужно меньше нервничать. Малыш в полном порядке. – Элоди ткнула в капельницу, подвешенную у кровати: – Я обезвожена, поэтому в меня вольют вот это.

Я с облегчением выдохнула, выпуская часть напряжения.

– Вы сын Фишера? – спросил вдруг врач, которого я не сразу заметила.

Он смотрел на Остина, стоявшего в углу со скрещенными на груди руками. Брат ответил «нет» столь небрежно и искренне, что я ему почти поверила. До чего прекрасный лгун.

Элоди опустила взгляд. Я посмотрела на врача – нет, незнакомый. Остин тыкал в экран мобильного, словно никакого обмена репликами и не было.

На лице врача проступило сомнение, но он лишь кивнул.

– А что? – спросила я.

Остин дернул головой, недовольный моим вмешательством.

Заглянула медсестра, сообщила врачу:

– Вы нужны. Перелом руки.

Задержала взгляд на мне и Остине, затем вышла.

Я сверкнула глазами на брата:

– Ты его знаешь? В чем дело?

– По-моему, он друг отца.

– Почему ты соврал?

Остин пожал плечами.

– Говорю же, он, по-моему, друг отца.

Тоже мне, объяснение!

– Врать ты явно привык. Интересно, откуда в тебе это? – только и смогла сказать я.

Остин шагнул ко мне, вскинул руки.

– Тебе я не врал! – прошептал с отчаянием.

– Ты завербовался в чертову армию и ничего мне не сказал!

Я старалась говорить потише, но хотела рвать и метать. Гнев вскипал, будто живой, перекачивался под кожей.

Брат вздохнул.

– Карина, я же понимал – если скажу, ты распахнешься, вот как сейчас. Интересно, откуда в тебе это?

Подколка больно меня стегнула. Мол, я похожа на отца. Мы с Остином часто сравнивали себя друг с другом или с родителями – чтобы ранить сильнее.

Элоди терпеливо переводила взгляд с меня на Остина. Я ласково сжала ее руку. Элоди только очередного скандала не хватает.

– Чтоб тебя, Остин! Нашел время! – выплюнула я и вновь повернулась к подруге. – Слава богу, малыш в порядке. Я за вас волновалась. За обоих.

Она кивнула, тоже легонько пожав мне руку.

– И я волновалась. Прости, я столько проблем создала. У меня взяли анализы, а сейчас следят за сердцебиением малыша.

Элоди посмотрела вверх на приборы, попискивающие на стене в изголовье кровати.

– Не за что просить прощения. Ты ничего плохого не сделала, – заверила я.

Почему женщины вечно извиняются за то, что им не подвластно? И я, и Элоди, и мама...

– Все так навалилось. Родители. Филип... Он...

Элоди перевела взгляд с моего лица на висящий в углу маленький телевизор. Тонкая штора почти не отделяла нас от других пациентов, и до соседей наверняка долетало каждое

слово. Я слышала возню медсестер и тот жуткий детский кашель. Нервничала, но сбежать не могла, Элоди во мне нуждалась.

Я вновь посмотрела на нее. Такая хрупкая...

– Что случилось с Филипом? – Я взглянула в ее ввалившиеся глаза и подумала о стоящем рядом брате, о других пациентах, о невозможности уединиться. – Если не хочешь, не рассказывай.

– На «Фейсбуке» маме написали, что муж мне изменяет, и любовница вместе с ним в командировке. Замужняя. Родители верят и хотят, чтобы я вернулась домой до рождения ребенка. Будто я на такое пойду? Будто у меня есть возможность?!

Рука Элоди опустилась на круглый живот, погладила его поверх тонкой больничной рубашки, больше напоминающей дешевую бумажную обертку.

– Ты знаешь, кто отправил сообщение?

– Кто-то из взвода Филипа. Мама говорит, муж той женщины. Только аккаунт фальшивый, хотя страницу жены вычислить легко – она единственная у него в друзьях.

Я покосилась на брата, но он смотрел под ноги. Наверное, пытался стать незаметным, чтобы Элоди позабыла о его присутствии и почувствовала себя свободней. Подобные истории очень часто происходят с теми, кто женится раньше, чем по закону может употреблять спиртное. Женитьба, командировка на войну, ребенок, опять командировка. Мизерная зарплата, переработки, никакого признания, вербовка за вербовкой. Заколдованный круг, в который попала и Элоди. Причем это только начало.

– Говорить честно? Или успокаивать? – спросила я.

– Правду. – Элоди улыбнулась, легонько прикусив нижнюю губу. – Только помягче.

– Договорились, – кивнула я.

Ну и как сказать это помягче? От старания мой голос стал на октаву выше и зазвучал тише.

– По-твоему, письмо от мужа-рогоносца – просто ерунда? Выстрел наугад? Ты не думала, что в его словах есть какая-то правда? Не думала, почему он выбрал тебя и твоих родителей?

Элоди поморщилась, однако я не умолкла. Я помнила договор – быть честной, выражаться помягче.

– Послушай. Я ни в коем случае не утверждаю, будто Филип тебе изменяет, но такое происходит сплошь и рядом. У одного моего знакомого жена поехала в Ирак и там забеременела, а ее муж был гражданским и находился на другом конце света, в военном городке Форт-Беннинга. Воспитывал дома детей, а жена тем временем трахалась с начальником. Сплошь и рядом. Измены – огромная часть армейской жизни. Да любой жизни, но, знаешь, Эль, мне нравится Филип, я его не обвиняю и не становлюсь на сторону твоих родителей. Лишь предлагаю – может, навести справки?

– Ты серьезно, Карина? – влез брат.

– Как навести справки? – спросила Элоди.

Я с облегчением отметила, что она не расстроилась.

– Напиши этому парню. Или спроси Филипа. Хотя разговор с Филипом может только навредить. К тому же вдруг он не признается? Если же парень, отправивший сообщение, наврал и довел тебя до нервного срыва и больницы, то я сама ему напишу! – вполне искренне заявила я. – И жене его тоже.

Элоди не рассмеялась, да я этого и не ожидала.

Она выпатила подбородок:

– Я верю в своего мужа, хоть сейчас он меня и бесит.

Мы с Остином переглянулись с улыбкой.

– По крайней мере пока верю, – добавила Элоди.

Глава 8

В зале ожидания толпилось еще больше народу, чем два часа назад. Врач пока оставил Элоди в больнице для наблюдения, а мне пора было на работу, поэтому отвезти Элоди домой предстояло кому-нибудь из ее друзей из группы поддержки. Элоди выглядела довольной и даже сияющей после того, как ее накачали витаминами через капельницу.

Остин предложил забрать Элоди попозже на моей машине. Похоже, брат стал джентльменом. Я засомневалась – кажется, он давно не сидел за рулем, а мне нужно на работу, – и отмела этот вариант. Элоди написала в чат группы поддержки и обрисовала ситуацию. Вся группа вот уже полчаса забрасывала Элоди сообщениями, поэтому откликнулись они быстро и с готовностью. Первой вызвалась дама по имени Тони. Фамилия у нее, кажется, была Тарп; Элоди часто упоминала эту Тони. Меня посетила эгоистичная мысль – а кто придет за мной, если я попаду в больницу? Порой я чувствовала, что дрейфую по жизни одна-одинешенька, вокруг полно людей, но заботятся они обо всех, кроме меня.

Мы с Остином шли вдоль бесконечных рядов стульев с зеленой обивкой, я мечтала поскорее сбежать от больничного запаха и кашляющих детей. Остин спросил:

– Можно подъехать с тобой? Или ты от злости отправишь меня домой пешком?

– Я не решила. Да и нет у тебя дома, – напомнила я.

Он заслужил мой укол.

– Вот видишь, тем более нужно меня пожалеть, – шутливо парировал брат.

Я возмущенно закатила глаза, он обнял меня за плечи.

– Если хочешь, поговорим по дороге. Я потом от тебя на попутке доберусь. После лагеря для новобранцев заведу себе машину... – Остин сообразил, что сказал, и виновато покосился на меня сверху вниз. – Кари, я...

– Не надо.

Мы остановились. Я посмотрела ему в глаза.

– Все нормально. Ты ведь в любом случае поедешь? Какой уже смысл злиться?

Я признала реальность происходящего, это даже в голосе прозвучало.

Я не могу не разговаривать с братом вечно. Тем более что скоро его отправят неизвестно куда. Это неизбежно, такова суровая армейская действительность. Завербоваться означает потерять свободу выбора.

Я даже не знала, какую армейскую специальность выбрал Остин, и, спрашивая, надеялась услышать «стоматолог-гигиенист», «механик», любое ремесло, которое пригодится ему в гражданской жизни.

– Какая у тебя военная специальность? Пожалуйста, скажи, что ты канцелярская крыса!

Папа называл тех, кто не участвовал в боевых действиях, канцелярскими крысами. Хоть бы Остин оказался одной из них!

Он ответил с запинкой:

– Я пехотинец.

Самое опасное занятие. Как Филип, Каэл, Мендоса...

– Остин... – Я в отчаянии зашагала дальше.

– Я не такой умный, как ты! У меня нет ни дома, ни машины, ни даже работы. Это был единственный вариант. Военно-воздушные силы меня бы отфутболили. Я даже армейские тесты первый раз завалил к чертям собачьим! Повезло, что вообще взяли.

– Повезло?! – фыркнула я, проталкиваясь к широким входным дверям.

Я посмотрела на парковку. Дождь почти перестал. В сердце кольнуло – Остин сдавал тест не один раз. Значит, это не спонтанное решение. Он пытался вступить в армию на протяжении какого-то времени, но мне не говорил.

– Когда? Когда все началось? – спросила я.

– С полгода назад. Я колебался, пробовал. Да, надо было тебе рассказать. – Брат пошел быстрее, подстраиваясь под мой темп и не давая сбежать. – Просто я знал, что ты разозлишься. Я не планировал скрывать от тебя вечно. Меня только приняли, я еще даже отцу с Эстеллой не сообщил.

– Я не злюсь, – покачала головой я. – Ладно, злюсь. Но дело не только в этом. Не понимаю, почему ты решил вычеркнуть меня из своей жизни. Выходит, знал только Каэл?

Видимо, я сильно достала вселенную: едва произнесла его имя, Каэл шагнул из-за угла в приемную. Сразу засек меня и Остина. Скользнул глазами сначала по брату, затем по мне. На сосредоточенном лице мелькнула растерянность. Каэл всегда выглядел целеустремленным и уверенным, всегда знал, где и когда ему следует быть. Не просто армейская фишка – фишка самого Каэла. Мы находились в пяти футах друг от друга, и я уже ощущала его энергию. Она пожирала пространство. С телом и разумом происходило бог знает что, я теряла почву под ногами, Каэл приближался, а плана спасения не было. Нужно сделать вид, будто я не удивлена встречей, хотя мы в приемной госпиталя, и я очень удивлена!

Я расправила плечи, чуть отступила, стараясь не выдать потрясения. Каэл здесь, передо мной... Лишь через несколько секунд я заметила за ним Мендосу, оба были в гражданском. В обычной одежде Каэл выглядел совсем по-другому, чем в форме. Доктор Джекилл и мистер Хайд. Только обе стороны Каэла хорошие – в основном. Если не считать того, что он лжец и слишком хороший притворщик. Каэл скорее похож на Деймона Сальваторе из «Дневников вампира», у которого во время влюбленности отчетливо проявлялись две разные стороны. То есть я не утверждаю, будто Каэл в меня влюблен, нет... уж точно не так, как Деймон любил Елену Гилберт. Вряд ли подобная любовь существует в реальности.

Лучше бы Каэл надел военную форму, было бы легче вообразить его просто солдатом, одним из многих, не моим.

Хотя он и в самом деле не мой...

Я наконец обратила внимание на Мендосу, тот в открытую смотрел на меня. Его рубашка была такой же красной, как глаза. В тон крови, которая просачивалась сквозь обматывающую руку белую футболку.

– Черт! Что случилось? – спросил Остин.

Каэл оглянулся на Мендосу, на его руку, посмотрел Остину в глаза. Удивительное спокойствие, учитывая наше местонахождение и количество крови.

– Нужно руку зашить.

– Это он так считает, – ухмыльнулся Мендоса уголком губ.

– Какого черта, мужик?! – Остин заметно встревожился за друга.

– Фигня. Бывает. Кому-то не везет, – пожал плечами Мендоса.

Остин хмыкнул:

– Да уж. На фигню не похоже. – Он кивнул на окровавленную руку.

Каэл запрокинул голову, уперся взглядом в потолок. Язвительно заметил:

– Ну, давайте побеседуем, у нас же уйма времени.

Затем резко выпрямился:

– погоди! А ты что здесь делаешь?

Каэл с подозрением прищурился, оглядел Остину с головы до ног и протянул руку к его карману на куртке.

Я заледенела.

Брат увернулся. Я наблюдала в полной растерянности.

– Чувак, – ответил он. – Здесь не я, а Элоди. – Остин постучал себя по груди. – Я здоров. Мать твою.

Брат явно оскорбился, хотя я ожидала от него более бурных оправданий.

Каэл посмотрел на меня, вновь на Остина.

– Ладно, прости, – сказал тихо, примирительно вскинув руки.

Тут до Каэла дошло услышанное, и он вновь дернулся. До чего стремительный, настоящий солдат!

– Стоп, Элоди? Что с Элоди? Филип знает?

Каэл достал телефон и уставился на экран. Похоже, решил позвонить Филипу, но вспомнил, что нельзя, на войну так просто не дозвонишься.

Взгляд Каэла скользнул по мне, очень мимолетно. Он явно избегал на меня смотреть. Я злилась – это я должна от него нос воротить, а не наоборот! С какой стати Каэл ведет себя так, будто вообще со мной незнаком?!

Я думала, вернее, надеялась: если я заговорю, мягко и нежно, это напомнит ему о ночах, проведенных в моей постели, о шепоте маленького вентилятора на комодке, о словах и звуках, которые слышал от меня лишь Каэл. Если он услышит голос, мой голос, и вспомнит все, как помню я, тогда на лице Каэла проступят печаль и сожаление. Еще я надеялась, что он не слышал, как несколько секунд назад я произнесла его имя. Пусть не мечтает... манипулятор... он... Я мысленно себя оборвала и заговорила как можно небрежней, впившись ногтями в ладони:

– С Элоди все хорошо. Мы приезжали проверить состояние малыша, потому что у Элоди...

Я осеклась. Ни к чему обсуждать случившееся без ее согласия.

Не мое дело сообщать Каэлу о приступе паники, судорогах и прочем. Мое дело сказать – на беседы нет времени, нам обоим нужно позаботиться о друзьях. Однако мы почему-то стояли, точно ковбои на Диком Западе, и ждали, кто уйдет первым.

– Что-то произошло? – спросили Каэл и Мендоса почти хором.

– Мы пока ничего не знаем. И Элоди еще не говорила с Филипом, не нужно торопиться, дай ей возможность сообщить самой, – обратилась я к Каэлу.

Фраза прозвучала так, будто я репетировала ее целую неделю. Дура!

Он лишь кивнул и отвернулся к Остину.

– Конечно. Как Эль? – спросил у брата, произнеся ее красивое имя с нежностью.

Остин объяснял, Каэл слушал, а я смотрела на его бесстрастное лицо и ощущала жгучую боль в груди. Внутри все плавилось. Он, несомненно, переживал за Элоди и малыша, однако сохранял спокойствие, прямо-таки пугающее, пока Остин расписывал подробности драмы с «Фейсбуком» и родителями Элоди.

– Мы перепугались, но она в порядке, – закончил он. И добавил, вытерев взмокший лоб: – Надеюсь.

Каэл холодно кивнул. Лицо солдата, выполняющего свой долг. Почему Каэл на меня даже не взглянет? Во рту пересохло. Остин спросил Каэла о чем-то, но я не расслышала, так громыхали в голове беспорядочные мысли.

Я уставилась на его губы, на резко очерченный квадратный подбородок. Каэл был свежее-выбрит и, в отличие от меня, выглядел молодо. Меня обсыпало прыщами, я не стала накладывать косметику, чтобы не забивать поры еще сильнее. Каэл же, судя по виду, спал не меньше восьми часов, вовремя пил кофе и ни о чем не переживал, ни капельки. Зря я не нарядилась! Не ожидала встретить Каэла... Никого встретить не ожидала и никуда не собиралась, кроме своей полутемной рабочей кабинки. Мои волосы были присобраны кое-как, на макушке виднелись следы плохо втертого сухого шампуня, а корни оставались влажными после дождя. Глаза припухли от недосыпа и уныния.

Каэл же, надо полагать, жил припеваючи. Даже в резком свете стерильной больницы темная кожа Каэла сияла. Ему безумно шли мятно-зеленая толстовка и черные спортивные штаны.

Они облегали крепкие ляжки и идеально сидели на бедрах. Меня всегда восхищало, как замечательно смотрится на нем простая одежда.

Мои пальцы дрогнули, когда я перевела взгляд на лоб Каэла, на шрам над густой бровью. На ощупь он такой мягкий, я помню... Казалось, я не видела Каэла много месяцев, хотя прошла пара недель. На нем были белые кроссовки, явно новенькие. На мне – грязные, плохо зашнурованные рабочие туфли. Я чувствовала себя неряхой рядом с ним, одетым просто, но безупречно. Пусть так, пусть я выгляжу паршиво, только неужели он совсем меня не замечает?!

Каэл наконец посмотрел на меня. И тут же вновь повернулся к Остину. Секундный взгляд... Клянусь, этот наглец нарочно меня игнорирует! Чтоб его!

Я стояла в резком свете ламп посреди жуткой приемной и лихорадочно думала, что сказать. В голове роилось множество фраз – ни одной дельной, зато все чертовски приятные. Мендоса наблюдал за тем, как я пожираю глазами Каэла. Я окончательно почувствовала себя жалкой.

– Как поживаешь, Карина? – спросил Мендоса, чуть прикрыв карие глаза.

Я слотнула и разлепила пересохшие губы:

– М-м, хорошо, Мендоса. Работаю много. Как ты?

Каэл вновь посмотрел на меня, но я сумела не повернуть головы в его сторону.

– Это радует. А я... Бывало и получше. – Мендоса мрачно рассмеялся.

Взгляд у него был расфокусирован. Неприятное ощущение.

– Передашь от меня привет Глории?

Я почти не знала ее, но не сомневалась, что она хорошая.

Мендоса был старше нас всех и имел гораздо больше обязательств, однако выглядел совсем не таким ответственным, как Каэл. Особенно с окровавленной футболкой на руке, запахом лаймового алкоголя изо рта и дурацкой улыбкой.

– Что с рукой? – спросила я.

Ответить Мендоса не успел, его перебил Каэл:

– Нам пора. Я тебе напишу, – сказал Остину, стукнув по его кулаку своим.

И пошел прочь, не обратив на меня ни малейшего внимания.

Мендоса двинулся следом к регистратуре, поддерживая здоровой рукой раненую. Его темные глаза были воспалены, и он, похоже, не соображал, где находится. Пока Каэл беседовал с медсестрой, Мендоса стоял, уставившись в никуда. От этой картины меня пробил озноб.

Глава 9

– Ты хорошо знаешь Мендосу? – спросила я Остина по дороге через парковку.

Дождь перестал, но я не сомневалась – он польет вновь. Небо было цвета речного камня. Этот цвет навевал умиротворение; шок от встречи с Каэлом постепенно проходил, и я начинала закипать от злости. Усевшись за руль, я достала ключи, однако уезжать пока не хотелось. Я очень люблю избегать сложностей и притворяться, будто их не существует, вот только сейчас мне нужны ответы.

– Да вроде неплохо, – пожал плечами брат. – Не так хорошо, как Мартин, ясное дело, но общаемся мы тесно.

Остин приоткрыл окно со своей стороны, впуская прохладу. Воздух после дождя, пусть и очень влажный, приятно ласкал кожу.

– Как думаешь, что с ним произошло? С Мендосой.

– Вообще? Или сегодня?

– И вообще, и сегодня.

– Насчет сегодня я не уверен. Похоже, он подрался то ли с кем-то, то ли с чем-то. Ну а в целом... короче, у него долбаное ПТСР, посттравматическое стрессовое расстройство. Они хлебнули дерьма в свое время.

Под «они» брат имел в виду Мендосу и Каэла.

Остин взъерошил пятерней светлые волосы, доходящие почти до ушей. Длинноваты. Скоро его обреют по-армейски.

– В последнее время Мендоса вытворяет черт-те что. Он такой еще с тех пор, как я сюда приехал, но, по словам Мартина, это началось раньше. Мендосе тяжело. Все говорят, еще чуть-чуть – и жена его бросит, не выдержит. А он никак не может взять себя в руки. Это трудно. Мендоса по-настоящему страдает, и что ему делать? Если он кому-нибудь расскажет, его запрут... если не расскажет, у него окончательно крыша поедет...

Брат казался на удивление взрослым. Может, он и правда готов стать солдатом?

– Сколько у Мендосы военных командировок? Он ведь недавно вернулся вместе с Каэлом, да?

Кажется, брату известно гораздо больше, чем мне. Я вечно путалась в продолжительности этих командировок, в фамилиях и трагедиях солдат, а Каэл во время наших коротких отношений вовсе не откровенничал. Не любил рассказывать об армии, о том, что делал и видел.

– Да. Мендосу с Мартином отправили домой из-за ранений. Филипу вроде бы досталось меньше, но я слышал, когда их вездеход вспыхнул... – Остин закашлялся.

– По-прежнему куришь? – спросила я.

– Ш-ш. Короче говоря, Филипа я знаю не слишком хорошо, но он боевой товарищ Каэла.

Я вздохнула. Остин на глазах превращался в солдата. Я завела машину и выехала на дорогу, включив радио.

– Боевой товарищ? Ты уже заговорил на армейском жаргоне. погоди, так Филип – это имя или фамилия?

До меня только теперь дошло, что Филипом его зовут и Элоди, и солдаты.

– На армейском жаргоне мы говорим с детства, – рассмеялся брат. – Ты, кстати, тоже. А зовут его Филип Филипс. Ты на последнюю букву, наверное, не обращала внимания. Филип Филипс. – Вновь смешок. – Как девчонку из нашей старшей школы, Кристи Кристи.

Я улыбнулась. Остин приглушил радио до минимума.

– Бедная Элоди, – пошутила я. – А Мендоса? У него ранение или всего лишь ПТСР?

– Не стоит говорить про ПТСР «всего лишь». Знаешь, психологические травмы бывают гораздо хуже физических...

Остин достал из кармана маленькую коробочку и сделал из нее затяжку. Машина наполнилась паром.

– Эй! – Я опустила пассажирское окно до самого низа.

– Я бросил курить сигареты, гордись, – заявил брат и вновь затянулся.

– Горжусь, но ты все равно куришь.

– Чего это ты так интересуешься Мендосой?

– Да просто... – Я подыскивала в ответ нечто среднее между правдой и ложью. – Просто интересно. Это ведь теперь твои друзья.

– Кари, в армии много паршивого, да. И если искать гадости, ты их найдешь. Только в целом жизнь там проще. Распорядок, горячая еда каждый день. Попробуй думать о хорошем, а не циклиться на плохом.

Вот, значит, что меня теперь ждет – душевный раздрай. Чтобы Остин был со мной откровенен, я должна примириться с его решением и надеяться на лучшее. Однако я страшно злюсь и ничего не могу с собой поделать.

– Я спрашиваю, потому что переживаю за Мендосу. С ним постоянно Каэл, то вытаскивает из какой-нибудь истории, то отговаривает от непоправимой глупости. Если Мендосу бросит жена... – Я сглотнула ком в горле. – Это будет ужасно.

– Да... Он тогда точно с катушек слетит. Надеюсь, Глория выдержит. У них трое детей, и, кроме нее, с Мендосой никто не умеет справляться. Ну, еще Мартин.

Я ощутила на себе взгляд брата, но продолжила смотреть на дорогу.

– Это чертовски трудно. Военный образ жизни. Мы в нем выросли, мы в курсе, – проговорил Остин. – Однако я подписал контракт всего на три года. Заработаю денег на колледж, сэкономлю на жилье. Машину смогу купить. В общем, перестань за меня переживать... Слушай, ну прости, что я сделал все тайком. Будь у меня еще один шанс, я не стал бы ничего скрывать. Хотя в армию все равно пошел бы.

Вот как с ним спорить? Я чувствовала грусть, злость и продолжала думать о Мендосе, о том, как тесно его жизнь переплелась с жизнью Каэла.

– Я понимаю твоё отношение к армии. Я сам к ней так относился, ты же знаешь. Только у меня нет денег на колледж.

– Нам обоим выделили стипендии для профессиональных курсов, – напомнила я. – Лично я свою использовала.

Остин закатил глаза, откинулся на сиденье.

– Ну да, ну да. А еще ты умнее меня. Я бестолковый неудачник, меня один раз арестовали...

– Почти два раза. Вместо тебя арестовали и обвинили Каэла.

– Я не виноват!

– В его задержании – да, не виноват. Ты виноват в том, что мы там оказались. Прилетели спасать твою задницу.

Остин вскинул руки.

– Да, да, прости! Не мог же я бросить девчонку, парень ей угрожал, а я ничего другого не придумал.

Я почти не помнила лиц тех молодых полицейских, зато отчетливо помнила, как они без единого вопроса замахнулись черными дубинками. В голове прозвучал голос Каэла: «Так оно и бывает, когда молодежь учат убивать, а не укрощать».

Каэл попытался вытащить Остина из неразберихи, но сам стал мишенью.

– Я ведь попросил прощения за ту историю. Кари, я стараюсь изо всех сил! Да, иногда еще косячу, но уже меньше, чем с дядей Майком.

Я перестроилась в скоростную полосу, обдумывая слова брата.

– Научись прощать, Кари. По-настоящему. Я понимаю, ты разозлилась, потому что я тебе не сказал. Паршиво вышло, согласен. Только мы давно выросли, я не могу держать детские обещания. Я тогда не знал, как весело жить самому.

– Это я понимаю. Просто теперь пути назад у тебя нет, передумать не получится. Да еще Каэл! Помогал тебе, а мне – ни слова! Я думала, ему можно доверять...

– Карина, ты не доверяешь никому, очнись. Потому и психуешь – из-за его участия.

Остин приподнял бровь и вновь припал к электронной сигарете, похожей на разъем USB. Продолжил:

– Мартин хороший парень. Я говорил тебе раньше – и повторю опять. Он заботится о нас. Обо всех. Видишь, как с Мендосой нянчится? И так с каждым. Только поэтому я попал к нормальному вербовщику, он друг Мартина. Перестань ему нервы трепать. Ты ищешь повод его возненавидеть.

– Мне вроде повод не нужен.

Остин выдохнул пар, покачал головой.

Боль от предательства вернулась. Я поверяла Каэлу свои переживания и секреты, он прекрасно знал, как я восприму отказ брата от свободы, – но, даже зная, помогал ему. Видимо, Остин Каэлу дороже меня. До чего больно, будто огнем жжет...

– Рада, что у тебя появился такой замечательный друг, – язвительно бросила я.

Все же на душе потеплело от подобного отношения Остина к Каэлу. С ним брат чувствует себя уверенней и защищенней, в чем очень нуждается. Ему лучше рядом с другими людьми. Я не такая, это у него от мамы.

– Кари, ты все равно не дала бы ему шанса.

Хорошо, что мы почти приехали: каждое новое высказывание брата выводило меня из себя, и понимание давалось с огромным трудом.

– Каэл тут ни при чем. Я за тебя переживаю. На него мне плевать с высокой колокольни! – заявила я и брату, и себе.

Он хмыкнул, однако я продолжила:

– Мир не делится на черное и белое. Вы оба соврали, в результате ты уезжаешь, не успев толком вернуться. Я тут одна, только папа с Эстеллой, да еще Элоди иногда, а ты опять уезжаешь, но не в колледж, не на работу нормальную – ты идешь в чертову армию! Оттуда не уволишься и не сбежишь. Уж если попал, то выбраться почти нереально, сам знаешь.

– Неправда. Куча людей служит один срок и увольняется без проблем. И вообще, неужели тебе не приходило в голову, что мне это пойдет на пользу? – Остин поджал губы, повысил голос. – Можешь относиться к армии как угодно, и я понимаю, мамин уход сильно тебя подкосил – меня тоже, – но некоторые в армии счастливы! – Брат пожал плечами. – Слушай, ты вспомни папу с мамой вместе. Ну какая из них пара? Никакая. Хоть армия, хоть командировки... Думаю, родители развелись бы в любом случае. Не во всем армия виновата.

Я моргнула, потом еще раз. Спасибо красному сигналу светофора, можно остановиться.

– Без армии было бы по-другому, – возразила я. – Папа не уезжал бы так часто, и мама не чувствовала бы себя такой одинокой. Именно это ее и доконало – одиночество.

– Ну конечно, дело не в том, что они с отцом друг друга терпеть не могли. Дело в одиночестве, – усмехнулся брат.

– Быть одиноким тяжело, Остин. Одиночество съедает живьем. Когда постоянно сам... Ни друзей, ни семьи... – Я вздохнула.

– Иногда одиночество полезно, – не согласился он.

Как близнецы могут быть настолько разными?

А я? Разве я имела в виду маму? Вспыхнул зеленый свет, я повернула в проулок рядом с домом. Мы оба разгорячились, но господа, до чего же приятно говорить наконец начистоту, обсуждать проблемы, а не игнорировать их!

– Вот я сейчас одинок, – продолжил Остин. – Бездомный в буквальном смысле слова, даже машины нет. Сломалась окончательно. – Он говорил легко, со смехом, но то была тяжелая правда. – В армии у меня появятся друзья. Черт, да я даже, может, получу направление сюда! Так бывает. Родной город Мартина в каких-то ста милях от Форт-Беннинга.

Я задумалась. Раз Остин идет в пехотные войска, его скорее всего пошлют либо в Форт-Худ, либо к нам. По слухам, большинство солдат-пехотинцев распределяют в эти два места.

– Или отправят меня на Гавайи, и ты приедешь в гости, будем с тобой на пляже потягивать ром из кокоса!

Остин улыбнулся. Ох уж эта мальчишеская улыбка родом из детства... С тех пор брат очень изменился, превратился в мужчину, но для меня так и остался шкодливым подростком. Его половая зрелость наступила раньше моей, и Остин всегда выглядел старше, несмотря на наше внешнее сходство.

– Хорошо бы... Только вдруг тебя сразу пошлют на войну?

– А вдруг тебя стукнет вон тот фургон, который сдает задом?

Я ударила по педали тормоза – меньше чем в десяти футах от нас на дорогу задним ходом выкатил огромный серебристый фургон Брэдли, хозяина магазина матрасов.

– Постоянные «а вдруг» – плохие спутники, Кари. Ты свихнешься, если будешь так переживать.

Я вечно переживаю. Не умею это отключать.

Зато умею притворяться, будто все хорошо.

– Ладно. Я перестану злиться, если тебя распределят на Гавайи или сюда. Если же отправят в Техас, пеняй на себя.

– Техас тоже нормально. Не очень далеко.

– Нет уж. В Техас я не вернусь.

Хлопают двери, звучат громкие голоса, плачет на крыльце мама и скрипят качели... Мои воспоминания о штате одинокой звезды.

– Ты ведь любила Техас. Помнишь, как там было *весело*? – с притворной невинностью спросил брат.

О да, Остин, помню. Паршивые вечеринки, на которые ты меня таскал. Грубые парни, чересчур взрослые. Девушки, не желавшие со мной общаться после твоих приставаний...

Я отфильтровала ненужные мысли. Не время для ссор – мы на месте, пора бежать на работу.

Отстегнула ремень:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.